

По мнению Ф. И. Буслаева,¹ древнерусская живопись «никогда... не удовлетворит эстетически воспитанного вкуса не только по своим ошибкам в рисунке и в колорите, но и особенно по той дисгармонии, какую всегда оказывает на душу художественное произведение, в котором внешняя красота принесена в жертву религиозной идее».² «Самые судьбы русской истории, — объяснял Ф. И. Буслаев, — сложились так, чтобы способствовать больше коснению, нежели усовершенствованию искусства». «При крайней неразвитости умственных интересов искусство должно было оставаться на низшей степени своей техники».³ «Религиозный принцип», «обычаем и преданием... вкоренившийся» в этом искусстве и требовавший от художника наиболее верного воспроизведения «предания», «останавливал развитие художественной личности».⁴ Осуществляя этот принцип, древнерусское искусство «намеренно наложило на себя узы коснения и застоя и вместо того, чтобы питать воображение, держало его целые столетия в заповедном кругу однообразно повторяющихся иконописных сюжетов».⁵ Будучи вынужден «неукоснительно держаться древнего оригинала, не смея самостоятельно относиться к природе», художник оказался поставленным в «неестественное отношение к природе».⁶ Но он «отвращался от действительности» также и вследствие «благочестивой мечтательности, переселявшей воображение в горний мир».⁷ Искусство «как бы боялось действительности, не находя необходимым брать у нее уроки». Поэтому живопись древней Руси «не имела необходимых средств» к достижению поставленных перед нею задач: «ни правильного рисунка, ни перспективы, ни колорита, осмысленного светотенью».⁸ Особенности, отличающие эту живопись, «принадлежат крайне неразвитому состоянию искусства, бедного техникою и чуждого первым условиям изящного вкуса, воспитанного изучением природы и художественных образцов».⁹ «Не зная ни природы, ни античного мира, русский иконописец напрасно искал вдохновения в богословской схоластике и только больше и больше грубел и разучивался».¹⁰

Так же оценивал древнерусское искусство Г. Д. Филимонов. И в его представлении художники древней Руси, «мало развитые» и «связанные установившимися преданиями, правилами», «не в состоянии были отрешиться от старых форм, не смели свободно относиться... к природе, которую знали только в условных формах».¹¹ Он также считал, что древнерусская живопись стояла на низкой степени развития и, «в зависимости от исторически крайне неблагоприятных художественному развитию причин», шла к упадку вплоть до времени деятельности Симона Ушакова. «Русская живопись XVII века, говоря откровенно, представляла печальное зрелище», — писал Г. Д. Филимонов. «По нашему крайнему разуме-

¹ Ф. Буслаев. Общие понятия о русской иконописи. Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866. (Цитаты даются по изданию: Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, СПб., 1908).

² Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 32.

³ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 3—5.

⁴ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 20.

⁵ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 39.

⁶ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 164.

⁷ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 24.

⁸ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 23.

⁹ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 21.

¹⁰ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 164.

¹¹ Г. Филимонов. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи. Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873, стр. 83.